

Павлов Алексей Степанович

**Продолжающиеся
недоумения по вопросу о
восприимчивости и духовном
родстве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Степанович П.**
Продолжающиеся недоумения по вопросу о восприимчивости и духовном
родстве / Павлов Алексей Степанович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
93 с.

ISBN 978-5-521-26937-2

ISBN 978-5-521-26937-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

въ изслѣдованіи о 50-й главѣ Кормчей положеніе, что институтъ воспріемничества „созданъ не церковнымъ законодательствомъ, а *жизнію* древне-христіанскаго (римскаго) общества, преимущественно—подъ вліяніемъ гражданскихъ законовъ объ усыновленіи, и есть институтъ *обычнаго* церковнаго права въ собственномъ смыслѣ этого слова“ (стр. 176). Въ виду сдѣланнаго намъ проф. Бердниковымъ возраженія, что мы, повидимому, признаемъ воспріемничество продуктомъ общественной, а не церковной жизни римскаго общества, въ отвѣтной статьѣ спосѣ мы выпуждены были изложить смыслъ выше приведеннаго положенія такимъ образомъ: „Развѣ *христіанское* римское общество не было вмѣстѣ и *церковнымъ* и, какъ таковое, не осуществляло въ своей жизни церковныхъ воззрѣній, т. е. не творило нормъ *обычнаго* права церкви? Развѣ институтъ, прямо названный нами институтомъ *церковнаго* права (хотя и *обычнаго*) можно было внимательному и разумѣющему дѣло читателю признать за свѣтскій или чисто общественный?“ (стр. 8). ¹⁾ Проф. Бердниковъ признаетъ эти объясненія не болѣе, какъ „фразами“, которыми мы стараемся „прикрыть свою подлинную (т.-е. имъ названную памъ) мысль о „*происхожденіи* воспріемничества изъ гражданскаго института усыновленія“ (стр. 8; ср. стр. 11) ²⁾, и выставляетъ противъ насъ два возраженія,—копечно, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ сокрушительномъ дѣйствіи на наши „фразы“. Первое возраженіе:

1) И свою статью, т.-е. апологію противъ нападокъ проф. Бердникова мы цитуемъ по отдѣльному оттиску.

2) Въ нашей отвѣтной статьѣ проф. Бердникову мы даже съ особеннымъ удареніемъ указывали на то, что говоримъ о происхожденіи церковнаго института воспріемничества „*только* *подъ вліяніемъ*“ гражданскихъ законовъ объ усыновленіи“ (стр. 8), а не *отъ* этихъ самыхъ законовъ. При этомъ мы предполагали понятнымъ для всякаго, что факторъ, только *влиющійся* на происхожденіе и образованіе чего нибудь, не тождественъ съ факторомъ, *производящимъ* что нибудь. Думаемъ, что это понятно и проф. Бердникову. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь первый образчикъ его излюбленной критической манеры—привязываться къ чужимъ словамъ и давать имъ смыслъ по своему усмотрѣнію. Такъ онъ получаетъ обильный матеріалъ для своей критики и такъ исполняетъ нашу просьбу о „добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу“!

„Если въ приведенныхъ словахъ дѣло шло о древне-христіанскомъ обществѣ въ собственномъ смыслѣ, т. е. о церкви Христовой, то къ чему было автору пояснить выраженіе „древне-христіанское“ общество выраженіемъ „римское“? Въдѣ въ церкви, по апостолу, нѣтъ ни іудея, ни еллина, (стр. 7). Здѣсь, кромѣ забвенія общезвѣстнаго историческаго факта, что первоначально вся или почти вся церковь Христова находилась въ предѣлахъ одной римской имперіи, мы видимъ еще новый образчикъ смѣшенія авторомъ понятій изъ двухъ разныхъ областей знанія, имѣющихъ своимъ предметомъ церковь: изъ области церковной догматики и области церковнаго права ¹⁾. Съ точки зрѣнія церковной догматики, конечно, не можетъ быть и рѣчи о различіи въ церкви Христовой іудеевъ, еллиновъ, римлянъ и другихъ народовъ ибо плоды искупительной жертвы Христовой, или, говоря словами апостола, доступъ къ „престолу благодати“ одинаково открыты всѣмъ вѣрующимъ, къ какой бы національности они ни принадлежали. Иное дѣло—положеніе вѣрующихъ разныхъ національностей *въ области церковнаго права*. Здѣсь уже извѣстный апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ долженъ былъ принять во вниманіе различіе церкви изъ іудеевъ и язычниковъ и дать для той и другой особы постановленія (Дѣян. гл. 15). Такъ и во всѣ послѣдующіе періоды своей исторіи единая Вселенская церковь Христова представляется намъ разчлененною на равныя національныя или помѣстныя церкви, и каждая изъ этихъ церквей, по условіямъ мѣста и времени, создаетъ себѣ на неизмѣняемыхъ основахъ общецерковнаго права нѣкоторыя особенныя правовыя нормы, необходимыя для ея мѣстнаго обихода. Это въ особенности нужно сказать о нормахъ *обычнаго* церков-

1) Одинъ примѣръ такого неудачнаго перенесенія авторомъ церковно-догматическихъ ученій въ сферу положительнаго церковнаго права, именно—смѣшеніе понятія о таинствѣ крещенія, какъ духовномъ рожденіи чловека, съ понятіемъ о воспріятіи о купели крещенія, какъ источникѣ каноническаго института духовнаго родства, былъ уже указанъ нами въ первомъ отвѣтѣ проф. Бердникову (стр. 11—12). Но и теперь, какъ ниже увидимъ, авторъ подаетъ намъ поводъ еще разъ возвратиться къ этому предмету

наго права. Обычай, въ какомъ бы обществѣ онъ ни возникалъ, въ гражданскомъ или церковномъ, всегда носитъ на себѣ національную или мѣстную окраску, хотя бы въ немъ выражалось и обще-человѣческое или обще-церковное убѣжденіе въ разумности или необходимости той или другой юридической нормы, созданной жизнью самого данного общества. Отсюда равнообразіе церковныхъ обычаевъ особенно въ первыя столѣтія христіанства, когда число законодательныхъ нормъ церковной жизни было еще крайне ограничено и когда поэтому представители церковнаго сознанія ясно и рѣшительно высказывали мысль о необходимости въ случаяхъ, не опредѣленныхъ обще-церковнымъ канономъ, соблюдать мѣстные обычаи ¹⁾. Второе возраженіе: „Если нашъ авторъ признавалъ воспріимничество, по его происхожденію и значенію, институтомъ чисто-церковнымъ, то зачѣмъ было ему говорить, что онъ созданъ (прибавляемъ пропущенныя нашимъ критикомъ слова: „жизнію древне-христіанскаго римскаго общества“) подъ влияніемъ гражданскихъ законовъ объ усыпленіи?“ (стр. 8). Конечно, не зачѣмъ мы сказали это, чтобы вызвать со стороны профессора церковнаго права неожиданный, по своей странности, аргументъ: „Вѣдь римскіе гражданскіе законы древняго періода не были кре-

¹⁾ Въ примѣръ того, какъ одно и тоже (обще-церковное) возрѣніе можетъ выражаться въ разнообразныхъ обычаяхъ помѣстныхъ церквей и какъ смотрѣли на это разнообразіе древніе церковные авторитеты, укажемъ на слѣдующія слова капищескаго посланія Діонисія александрійскаго къ Василиду: „Ты попросилъ меня, въ который часъ должно прекращати постъ, предъ днемъ Пасхи? Ибо нѣкоторые братія утверждаютъ, какъ скажешь, что должно дѣлать сіе въ нѣтелоглашеніе, а другіе, что должно съ вечера. Находящіеся въ Римѣ братія, какъ говорить, ожидаютъ нѣтелеа; а о находящихъся здѣсь ты сказалъ, что они рабѣ прекращають постъ. Ты ищешь положить точное время и совершенно опредѣленный часъ, но сіе неудобно и небезопасно. Ибо что постъ времени поскрещенія Господа нашего подожить начинати празднество и веселіе, а до того пощениши смирити души, сіе всѣ согласно признають“. Ср. еще 1-е праніе Василия Великаго, гдѣ подробно говорится о разныхъ обычаяхъ помѣстныхъ церквей относительно способовъ приобщенія въ церкви еретиковъ и раскольниковъ, хотя всѣ церкви согласны были въ томъ, что лишь одной Вселенской церкви Христовой нѣтъ ни дѣйствительнаго крещенія, ни правильнаго священства.

щены въ христіанскую вѣру". На это мы скажемъ: и наша Русская Правда тоже „никогда не была крещена въ христіанскую вѣру“, и однакожъ приняла въ ней варварская система виръ и продажъ, какъ свидѣтельствуешь одипъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ русскаго церковнаго права—уставъ Ярослава, почти цѣликомъ перенесенная и въ сферу суда церковнаго. Что же? Долженъ ли поэтому историкъ русскаго церковнаго права просить у проф. Бердникова позволенія говорить о *вліяніи* Русской Правды на происхожденіе и образованіе первоначальныхъ интитутовъ отечественной церкви, засвидѣтельствованныхъ названнымъ церковнымъ уставомъ—*церковнымъ* не только по сферѣ своего дѣйствія, но и по участию въ его изданіи „митрополита всея Руси“? Съ высоты своихъ абстрактно - богословскихъ принциповъ проф. Бердниковъ, повидимому, представляетъ себѣ дѣло первоначальнаго насажденія христіанства у разныхъ народовъ такъ что гдѣ только появлялись проповѣдники Евангелія, находившіе себѣ послѣдователей, тамъ вся прежняя культурная жизнь новообращенныхъ немедленно превращалась въ *tabula rasa*, на которой новая религія писала свои божественные законы, и эти законы тотчасъ же въ ходили въ плоть и кровь новокрещеннаго народа. Не такъ смотрѣли на это дѣло сами боговдохновенные проповѣдники Евангелія: они сравнивали новообращенныхъ изъ язычества съ дикою маслиною, которая, бывъ привита къ духовно-живоносному древу церкви, не теряла спосѣ естественной природы, а только питалась и облагороживалась его благодатными соками (Рим. 11, 17). Не говоримъ уже о томъ, что исторія церкви не знаетъ и, по необходимымъ законамъ человѣческой жизни, не могла знать такихъ примѣровъ, чтобы новообращенный въ христіанство народъ сразу отрѣшился отъ своей прежней культуры и не принесъ лучшихъ плодовъ ея на служеніе новой религіи. Всего менѣе можно сказать это о высоко культурномъ римскомъ народѣ. Его право (*ratio scripta*), при содѣйствіи самой церкви (особенно на западѣ), сдѣлалось общимъ правомъ всѣхъ христіанскихъ народовъ; оно же во многихъ отношеніяхъ послужило образцомъ и отчасти даже прямымъ источникомъ

и для собственного права церкви, поскольку ее жизнь соприсасалась съ живнію гражданского общества (ecclesia jure gotano vivit). Самъ проф. Бердяковъ, не смотря на свое принципиальное отверженіе не только дѣйствительности, но и возможности вліянія римскихъ гражданскихъ законовъ на церковное правообразование (такъ какъ эти законы „не были-де крещены въ христіанскую вѣру“), долженъ былъ сознаться, что „въ церковной практикѣ (IV вѣка) терпимы были обычаи, *проистекшіе изъ воззрѣній и законовъ римскаго народа* (понимаемаго не въ церковномъ смыслѣ) и даже не одобравшіеся съ церковной точки зрѣнія (Василія В. прав. 9. 21). Такіе обычаи—прибавляетъ авторъ—представляютъ *прямую параллель* обычаю воспріимничества, какъ его изображаетъ проф. Павловъ“ (стр. 6). Слова эти замѣчательны не только какъ образчикъ противорѣчія, къ какому способенъ нашъ критикъ, но и по своей видимо тенденціозной редакціи. Авторъ не нашелъ нужнымъ изложить, хотя бы въ краткихъ словахъ, смыслъ и содержаніе поцитованныхъ имъ двухъ правилъ Василія Великаго, а предпочелъ заключить ихъ въ молчаливыя скобки. Раскрывъ эти скобки, мы увидимъ, что въ 9 и 21 правилахъ Василія Великаго идетъ рѣчь о *церковномъ* обычаѣ (ἡ συνήθεια ἡ ἐκκλησιαστικὴ—слова изъ 9-го правила), по которому мужъ имѣлъ право развестись съ своею женою-прелюбодѣйкою, а жена обявана была продолжать сожитіе и съ невѣрнымъ мужемъ. Если мужъ вступалъ въ плотскую связь съ постороннею женщиной, свободною отъ брака, то по церковному обычаю онъ подвергался епитиміи только какъ блудникъ, и лишь за сожитіе съ чужою женою или за формальное вступленіе въ бракъ при живой женѣ, невиновной въ прелюбодѣіи, онъ судимъ былъ церковію, какъ прелюбодѣй. „Причину этого (различія между мужемъ и женою), замѣчаетъ св. отецъ въ концѣ 21-го правила, найти не легко, но такъ принято въ обычаѣ“. Несомнѣнно, что обычай, о которомъ здѣсь рѣчь, установился въ римскомъ христіанскомъ обществѣ подъ вліяніемъ старыхъ (языческихъ) римскихъ законовъ о разводѣ по винѣ прелюбодѣіи жены. Законы эти мотивированы были тѣмъ правственно-юридическимъ воззрѣніемъ (свойствен-

пимъ впрочемъ не однимъ римлянамъ, но и всѣмъ народамъ древности), что жена своею невѣрностію мужу совершаетъ болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ мужъ, вступающій въ связь съ постороннею незамужнею женщиной. Жена, раздѣляющая супружеское ложе съ постороннимъ мужчиной, рождаетъ своему мужу чужихъ дѣтей, которыхъ однакожъ онъ долженъ воспитывать, какъ своихъ, и оставлять имъ, наряду съ законными дѣтьми, соотвѣтственную долю своего наследства. Словомъ: *de jure* онъ есть *отецъ* прелюбодѣйныхъ дѣтей своей жены, по правилу: *pater est, quem nuptiae demonstrant*. Напротивъ мужъ, вступая въ любовную связь съ постороннею (незамужнею) женщиной, по воззрѣніямъ древности, совершалъ только нравственно дурной поступокъ (*stuprum*), но не нарушалъ ни чьихъ правъ: не обременялъ своей жены уходомъ за дѣтьми, которые не были плодомъ ея чрева, и не давалъ своимъ законнымъ дѣтямъ незаконныхъ сопаслѣдниковъ. Дѣти, рожденныя не отъ брака, по закону, имѣли только мать, но не отца. Эти нравственно-юридическія воззрѣнія древняго міра, какъ видно изъ занимающихъ насъ правилъ Василия Великаго, нашли себѣ полное примѣненіе и въ христіанскомъ брачномъ правѣ, тѣмъ болѣе, что они отчасти прямо оправдывались нѣкоторыми мѣстами св. писанія, преимущественно Вѣтхаго Завета. Самъ Василій Великій хотя въ началѣ своего 9-го правила и говоритъ, что „Господне изрѣченіе, яко непозволительно разрѣшиться отъ брака, равнѣ словесе прелюбодѣйна, по разуму онаго, равно приличествуетъ и мужамъ и женамъ“, но вслѣдъ за тѣмъ приводятъ другія изрѣченія св. писанія, изъ коихъ явствуется, что и законъ Божій строже судить жену-прелюбодѣйку, чѣмъ мужа невѣрнаго своей женѣ. Мужъ, по точному смыслу этихъ изрѣченій, не только въ правѣ, но даже обязанъ развестись съ своею „оскверненною“ женою, какими бы образомъ она ни отдала свое тѣло другому (тогоже требовали и римскіе гражданскіе законы)¹⁾; напротивъ жена, по ученію Самого Спасителя о

¹⁾ Вотъ мѣсто, приводимыя Василіемъ Великимъ изъ священныхъ книгъ Вѣтхаго Завета: *Аще будетъ жена мужу чужою, не возвратится къ мужу*

разводѣ, разрѣшается отъ союза съ своимъ мужемъ только въ томъ случаѣ, если онъ, отпустивъ ее безъ вѣны прелюбодинія, *оженится* иною и чрезъ то (только чрезъ это) самъ будетъ „прелюбы творить“ отъ своей жепы (Матѣ. 19, 9). Изложенныя два правила Василия Великаго, какъ извѣстно, *навсегда* сдѣлались канономъ бракоразводнаго права восточной (греческой) церкви. Отсюда видно, насколько былъ правъ проф. Бердниковъ, стараясь показать своимъ читателямъ, будто въ этихъ правилахъ говорится о такомъ обычаѣ древнихъ христіанъ, „проистекшемъ изъ возвѣрній и законовъ римскаго народа“, который былъ только *терпимъ*, но не одобряемъ церковію; видно и то, какъ не кстати нашъ критикъ провелъ „прямую параллель“ между сейчасъ описаннымъ обычаемъ и обычаемъ воспріемничества у древнихъ христіанъ: послѣдній никогда не былъ возводимъ древнею церковію въ канонъ, т. е. церковъ никогда не говорила въ своихъ правилахъ, что у каждаго крещаемаго *непременно* долженъ быть воспріемникъ или воспріемница; ея правила относились не къ самому обычаю воспріемничества, а къ возникающему изъ него духовному родству, какъ препятствію къ браку.

Кто мало-мальски знакомъ съ исторіею церковнаго права въ періодъ вселенскихъ соборовъ, тотъ конечно не станетъ выѣсть съ казанскимъ ученымъ канонистомъ отвергать влияние на церковное правообразование и всѣхъ тѣхъ римскихъ законовъ „древняго періода“, которые имѣли своимъ источникомъ естественный нравственный законъ, такъ описанный въ посланіи ап. Павла къ вѣрующимъ изъ тѣхъ же римлянъ: *языцы, не имуще закона (богооткровеннаго) естествомъ законная творятъ; сѣи, закона не имуще, сами себѣ суть законъ. Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушеств-*

своему, но осквернившись осквернятся (Іерем. 3, 1), и: *держай прелюбодинцу, безуменъ и нечестивъ* (Прит. 18, 23). Нужно замѣтить, что первый текстъ приведенъ св. отцомъ въ сокращенномъ порифразѣ. Полный текстъ таковъ: *Аще отпуститъ мужъ жену свою, и отидетъ отъ него, и будетъ мужу иному, еда возвращающиса возвратится къ нему пакы? еда непорочна будетъ и неосквернена жена та?*

вующей имъ совѣсти (Рим. 2, 14, 15). Одни изъ такихъ законовъ почти буквально повторялись въ древнихъ церковныхъ канонахъ: такъ у того же Василія Великаго, канонизовавшаго, какъ мы сейчасъ видѣли, церковный обычай основанный на римскомъ законѣ о разводѣ по вѣнѣ прелюбодѣянiя жены, находимъ два правила о недействительности брака лицъ подвластныхъ (*alieni juris*), прямо мотивированныя точными словами источниковъ римскаго гражданского права: „ибо договоры подвластныхъ не имѣютъ ничего твердаго“ (прав. 40 и 42). Другіе подобные законы входили въ составъ особыхъ юридическихъ сборниковъ, назначавшихся исключительно для церковной практики: такъ въ второй части сборника, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ *Collectio constitutionum ecclesiasticarum*, содержатся довольно многочисленныя извлеченія изъ Дегестъ и Институцій, представляющихъ намъ (за немногими исключеніями въ Институціяхъ) одно только древнее (дохристианское) римское право. Тѣ же самыя извлеченія съ равными дополненіями *изъ тѣхъ же* законопныхъ книгъ впоследствии приняты были въ знаменитый помоканонъ въ XIV титулахъ, обыкновенно усвоенный патріарху Фотію. Наконецъ если проф. Бердниковъ не совсѣмъ забравываетъ нашу книгу о 50-й главѣ Коричей или мысленно не вноситъ ее, вслѣдъ за своимъ компаніономъ г. Лашкаренымъ, въ *index librorum prohibitorum*, то онъ могъ бы найти въ ней одинъ римскій законъ, о которомъ, пожалуй, позволительно сказать, что онъ „былъ крещенъ въ христіанскую вѣру.“ Это именно законъ, содержащій въ себѣ опредѣленіе брака. Законъ этотъ, какъ обстоятельно показано въ упомянутой нашей книгѣ (стр. 42—43), не только входилъ въ составъ разныхъ редакцій помоканона восточной церкви, но и повторялся въ позднѣйшихъ греческихъ вѣроисповѣдныхъ книгахъ, въ которыхъ бракъ разсматривался конечно, какъ одно изъ церковныхъ таинствъ.

Но, можетъ быть, именно римскіе гражданскіе законы объ усвоеніи, хотя въ нихъ не было и проф. Бердниковъ не указываетъ ничего противнаго христіанской нравственности и церковному вѣроученію, все-таки остались безъ всякаго вліянія на церковный институтъ воспріимчиваго? Говоря

объ этомъ вліяніи, какъ о фактѣ, не требующемъ доказательствъ, мы предполагали общеизвѣстными слѣдующія черты сходства между гражданскимъ усыновленіемъ и церковнымъ воспріемничествомъ:

1) Какъ юридическимъ актомъ усыновленія устанавливалась отеческая власть одного лица надъ другимъ, которое по природѣ, т. е. по своему рожденію, не было его сыномъ или дочерью: такъ точно религіозный актъ воспріятія отъ купели крещенія, по обще-христіанскому воззрѣнію, ставилъ воспріемника въ отношеніе духовнаго отца къ воспріятому или восприпятой.

2) Какъ по римскому праву юридическое родство, возникшее изъ усыновленія, признавалось въ извѣстныхъ границахъ препятствіемъ къ браку: такъ точно и древніе христіане, еще прежде всякихъ законовъ о духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку, по требованію одного нравственно-религіознаго чувства, которое въ общемъ сознаніи получало силу юридически обязательнаго правила, не могли допускать браковъ между лицами, стоявшими другъ къ другу въ отношеніи духовнаго отца и духовной дочери.

Всякій, кто имѣетъ въ виду только эти двѣ общеизвѣстныя черты сходства церковнаго института съ гражданскимъ, и притомъ помнятъ, что послѣдній *старше* перваго, и что римляне, обращаясь въ христіанство, все-таки оставались римлянами и жили вмѣстѣ съ своими языческими согражданами (разумѣемъ первые три столѣтія христіанской эры ¹⁾), естественно придетъ къ мысли, что церковный институтъ воспріемничества, созданный *нецерковными законодателями*, а *жизнію* христіанскаго римскаго общества, образовался

¹⁾ Самъ проф. Бердниковъ въ своемъ сочиненіи: „Государственное положеніе религіи въ римско-византійской имперіи“ (Казань, 1881) рисуетъ довольно полную и живую картину обыкновеннаго житейскаго общенія римскихъ христіанъ съ своими языческими согражданами (стр. 510—511). „Христіане, говоритъ онъ со словъ Тертуліана, участвовали въ языческихъ общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ, мѣнялись подарками въ день новаго года, украшали во дни языческихъ праздниковъ свои дома вѣнками и свѣтильниками, устраивали игры, оправдывали посѣщеніе театра, вступали въ бракъ съ язычниками и пр.“ (стр. 555).

подъ вліяніємъ римскихъ гражданскихъ законовъ объ усыновленіи. Но допускаетъ ли проф. Бердниковъ дѣйствительность указанныхъ двухъ аналогій гражданского института съ церковнымъ и видать ли съ нихъ доказательство вліянія перваго на образованіе послѣдняго? Внимательно прочитавъ новую критическую статью нашего оппонента, мы не могли пайти въ ней данныхъ для одного опредѣленнаго, т. е. утвердательнаго или отрицательнаго отвѣта на эти вопросы. И во первыхъ, что касается до сходства гражданского института усыновленія съ церковнымъ институтомъ воспріемничества въ томъ отношеніи, что оба они служили источниками двухъ особенныхъ видовъ юридическаго родства, то объ этомъ предметѣ проф. Бердниковъ судить надвое. Съ одной стороны онъ признаетъ, что „усыновленіе въ гражданскомъ обществѣ служитъ способомъ пріобрѣтать дѣтей посредствомъ юридическаго акта *вмѣсто естественнаго рожденія*“ (стр. 9), и что „по примѣру этого гражданского усыновленія воспріемничество причислено къ категоріи родства юридическаго“ (стр. 15); съ другой—рѣшительно отвергаетъ мысль, что и воспріемничество есть способъ пріобрѣтать духовныхъ дѣтей духовнымъ рожденіемъ (вмѣсто физическаго), т. е. воспріятіемъ ихъ отъ купели крещенія. Эта мысль представляется автору противоположно церковному догмату, по которому „церковь *сама рождаетъ* духовныхъ чадъ своихъ посредствомъ благодатной силы въ таинствѣ крещенія, а воспріемникамъ поручаетъ ихъ для руководства въ духовной жизни“. На такое замѣчаніе, что этотъ догматическій принципъ не имѣетъ никакого приложенія въ области положительнаго церковнаго права (именно брачнаго), что церковь въ этой области сама ставитъ въ отношеніе духовнаго родства къ крещаемому не свѣщенника, активнаго совершателя таинства крещенія, а воспріемника, проф. Бердниковъ не далъ и, само собою понятно, не могъ дать никакого отвѣта. Тѣмъ не менѣе онъ пытается ослабить силу этого аргумента съ двухъ сторонъ и двумя способами. Прежде всего онъ возстаетъ противъ нашего объясненія, почему приведенный догматическій принципъ не имѣетъ приложенія къ воспріемничеству, какъ институту положительнаго церковнаго права. „Принципъ этотъ,